

Г. В. ДЕНИСЕВИЧ
Курский пединститут.

К НАУЧНЫМ ОСНОВАМ СИНТАКСИСА ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ГОВОРОВ

Русская диалектология очень мало занималась синтаксисом говоров. В брошюре «История русской диалектологии» (изд. АН СССР, 1961) сказано, что «изучение диалектной лексики и синтаксиса явно отставало... В связи с этим до сих пор остаются единичными работами типа «Очерков по синтаксису русских народных говоров» А. Б. Шапиро» (стр. 79).

К сожалению, авторы брошюры не обратили внимания на книгу В. И. Собинниковой «Строение сложного предложения в народных говорах» (изд. Воронежского университета, 1958) и на ряд кандидатских диссертаций по синтаксису говоров, которые дают ценный материал по отдельным вопросам диалектного синтаксиса. Но справедливо положение, что многое в синтаксисе говоров остается неясным и нерешенным.

Каков предмет синтаксиса говоров, в чем его специфика?

Возможно ли при изложении материала придерживаться обычной схемы, какая принята в пособиях по синтаксису литературного языка?

Достаточна ли синтаксическая единица «предложение» для характеристики всех конструкций говоров?

Следует ли изучать всю совокупность высказываний или только те конструкции, какие индивидуализируют синтаксический строй говоров?

Какая степень зависимости конструкций от местной лексики и морфологии?

Характер синтаксических изменений и отношение к ним носителей говоров,

Какими методами наиболее целесообразно изучать синтаксис говоров?

Вот серия вопросов, на которые мы должны предварительно ответить, чтобы заняться изучением высказываний носителей местных говоров.

Мы придерживаемся того взгляда, что синтаксис территориальных говоров по своей внутренней природе (по содержанию, по мыслительной деятельности говорящих) мало чем отличается от природы синтаксиса литературной речи. Здесь можно найти общий знаменатель, ибо, как справедливо писал И. М. Сеченов: «Как ни велика с виду пропасть между мыслью взрослого и ребенка со стороны её объектов, но между ними всегда признавалось тесное родство по строению. Воплощаясь в слово, та и другая всегда принимают одну и ту же форму, основной тип которой известен всякому из трехчленного предложения. Благодаря неизменности этой формы у людей разных возрастов, разных эпох и степеней развития нам одинаково понятны и размышления дикаря и ребенка, мысли наших современников и предков. Благодаря тому же в жизни человечества существует преемство мысли, тянущееся через целые века».¹

Другая сторона этого синтаксиса состоит в том, что условия проявления мысли и общения, способы и формы высказывания носителей говоров образуют такой строй, такие конструкции говорения (речи), что их нельзя отождествлять с предложениями литературного языка и вкладывать в традиционные синтаксические схемы. Нужен иной подход, иные формы и приемы.

В этой стороне и надо искать специфику синтаксиса местных говоров.

Прежде всего синтаксические конструкции говоров обычно зависят от определенной ситуации, которая вызывает соответствующие речевые реакции. Вот возникают ситуации: кошка прыгнула на стол, петух заглянул в хату. А вот речевые реакции:

Брысь!... у-у-у, зараза!..

Петя... Пе-эээтя!..

Что это за конструкции? Следует ли их называть предложениями в традиционном смысле термина? Ведь всякое

¹ И. М. Сеченов. Избранные философские и психологические сочинения. М., 1947, стр. 402.

Мы считаем, что метод описания недостаточный. Простая констатация синтаксических конструкций и их состава по таким признакам, как союзы, частицы (см. у А. Б. Шапира) или члены предложения (см. у В. И. Собинниковой), полезна на первоначальном этапе исследования. Метод описания не раскрывает ни функции, ни истории разных конструкций.

Что же касается сопоставления с литературным языком, то этим выявляются лишь поверхностные различия в синтаксических структурах, а внутренние, глубинные различия высказываний не раскрываются.

Стало быть, для более полной характеристики синтаксиса говоров, кроме описания и сопоставления, нужны исторические комментарии, чтобы раскрывать разные синтаксические пласты, архаические обороты, застывшие фразы, нужно прибегать к трансформации, поскольку отдельные высказывания носителей говоров бывают эллиптически, неполны, контаминированы.⁶

Считая, что приемы анализа определяют сущность всякой работы, мы несколько остановимся на этом и рассмотрим один пример из говора.

Старуха 76 лет (с. Большое Жирово Фатежского района) на вопрос: что вам дали, когда вы выходили замуж, ответила:

Я замуш ишла, два ложника дали, сучили из волны и ткали; адиялы были у богатых, ана стигаитца.⁷

Как видим, общее содержание ответа может представить себе каждый собеседник, хотя состав членов и строение высказывания, с точки зрения литературного синтаксиса, недостаточны. Попутно заметим, что из подобных фактов некоторые наблюдатели делают вывод, что в синтаксисе говоров господствует неорганизованность, недостаточная оформленность, полная «свобода» в построении высказыва-

⁶ Оговариваемся, что на первой ступени изучения говоров, когда синтаксический материал ограничен, применять трансформацию в плане З. С. Харриса или Н. Хомского и других (см. сб. Новое в лингвистике, вып. 2. М., 1962) невозможно. Мы используем трансформацию как прием для раскрытия внутреннего содержания и установления структуры отдельных высказываний при помощи интерпретаций или информации носителей говора.

⁷ Транскрипция здесь и в последующих собственных примерах упрощена. Считаем, что сохранять подробную звуковую оболочку слов при изложении синтаксиса говоров нецелесообразно.

ний. Но так кажется при внешнем, описательном или сопоставительном изучении синтаксиса говоров. Если же заглянуть в историю разговорной речи, то окажется, что ответ старухи в сущности графариетный. Вот как записывали живую речь еще в XVII в. (1626 г.):

И увидели з горы трех человек — кормят лошади, и они их прикликали к себе и спрашивали: какие они люди. И они сказались русские люди с Волуйки.⁸

Мы имеем два высказывания, веками отделенные, но сходные в своих строениях:

Я замуш ишла, два ложника дали...

И увидели з горы трех человек — кормят лошади...

Сходство — в отсутствии наименованных субъектов действия (дали, увидели), в эллипсисе, в бессоюзном сцеплении отрезков высказывания, в отсутствии последовательного использования видо-временных форм глагола (были—стегается, увидели—кормят).

Подобные «неорганизованные» высказывания записаны М. Г. Халанским, например: «Ай анучьку жавал, чипуху гародиш».⁹ Использованы в «Очерках» А. Б. Шапиро: «А внука там я оставила, крищать» (Рязань, стр. 183), рассмотрены в разных отделах книги В. И. Собинниковой: «А дош пашол — ани заходят ф сарай»¹⁰ и другие.

Вот такие высказывания носителей говоров и нуждаются в трансформации, при помощи которой можно точно установить как содержание, так и особенности построения и определить их (высказываний) место в ряду других синтаксических типов.

При трансформации ответа старухи мы получили следующую отрезок речи:

Когда я выходила замуж, родители дали два ложника — мне и для жениха; сучили нитки из волны и из них ткали. Одеjala же были у богатых; одеjало стегалось и сейчас стегается.

Высказывание приобрело такой вид после интерпретации старухи. Оказалось, что сыграла роль си-

⁸ Воссоединение Украины с Россией, т. I, Расспросные речи, № 37. М., 1953.

⁹ М. Г. Халанский. Народные говоры Курской губернии. Сб. ОРЯС, т. 76, № 5, 1904.

¹⁰ В. И. Собинникова. Стрoение сложного предложения в народных говорах. Изд. Воронежского университета, 1958, стр. 142.

12* Краткие очерки по русскому языку

туация — наш вопрос, в котором употреблено наречие времени «когда», поэтому оно не повторено в ответе. Это обычно в диалоге. «Идти замуж» (ишла замуж) имеет другой оттенок значения, чем «выходить замуж». Отвечавшая нам пояснила, что она добровольно «ишла замуш», а других обычно «выдавали», «ани выхадил па ниволи». Во втором предложении высказывания нет адресата, кому дали два ложника. Мы получили разъяснение: «Мне и для жаниха дали радитяли». Дали для жениха, а не жениху. Вот точная логика высказывания, но она выражена «экономно», без подбора точных языковых средств. Далее сказано, что «сучили из волны и ткали». Сучили, конечно, не ложник, а нитки из волны, а из них ткали. Надо было сказать: сучили нитки из волны и из сученых ниток ткали ложник. Но в речи носителей говоров часто наблюдается редукция или контаминация, как в данном случае: «сучили из волны и ткали». Наконец, «ана стигаитца». Каждое одеяло в отдельности стегалось, как и сейчас стегается, поэтому при редукции сказуемое употреблено в форме единственного числа и настоящего времени.

Можно спорить, так ли надо трансформировать высказывание старухи. Однако мы глубоко убеждены, что для отдельных высказываний такая трансформация необходима и полезна. Она дает возможность вскрыть внутреннее, глубинное содержание того или иного высказывания, которое в зависимости от ситуации своеобразно оформлено.

Мы считаем, что настоящая наука там, где есть поиск, где есть подробный и глубинный анализ сущностей и взаимоотношений конкретных явлений, фактов при помощи разных приемов.

Так мы представляем себе вкратце некоторые теоретические вопросы изучения синтаксиса говоров, не претендуя на их полноту и бесспорное решение.
